

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е.П. Аквилонов

**О Божестве
Господа нашего И. Христа
и о средствах нашего спасения:
Богословские размышления по поводу лжеучения
гр. Л.Н. Толстого**

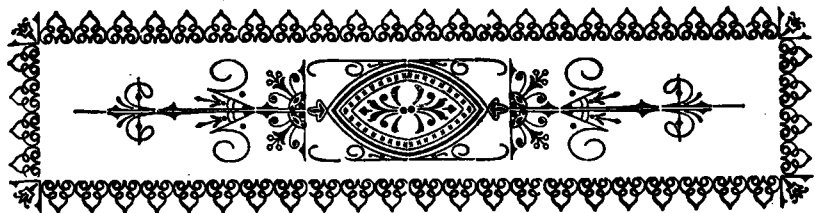
*Опубликовано:
Христианское чтение. 1901. № 7. С. 3-23.*

 Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 20 іюня 1901 года.
Экстраординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи
Александръ Лопухинъ.



О Божествѣ Господа нашего І. Христа и о средствахъ нашего спасенія.

Богословскія размышленія по поводу лжеученія графа Л. Н. Толстого.

I.

ДѢЛА и слова и вся вообще человѣческая жизнедѣятельность имѣютъ таинственную почву, на которой они произрастаютъ и отъ которой получаютъ свой опредѣленный характеръ. Когда двое дѣлаютъ одно и тоже, то выходитъ уже не одно и тоже, и когда двое говорятъ одинаковыя рѣчи, то онѣ производятъ различное впечатлѣніе. Сокровенная сущность каждаго человѣка рѣшительно, хотя и незамѣтно, господствуетъ надъ ея внѣшнимъ проявленіемъ. Она свѣтится во взорѣ, слышится въ голосѣ, обнаруживается въ тѣлесныхъ формахъ, опредѣляетъ собою цѣлый образъ человѣческой жизни и дѣятельности, окружаетъ его свѣтлымъ ореоломъ или окутываетъ мракомъ. Этою сущностью производятся тѣ непостижимыя симпатіи и антипатіи, которыя для поведенія большинства людей имѣютъ болѣе рѣшительное значеніе, чѣмъ всякія разсудочныя соображенія. Часто мы сами обманываемъ себя, воображая, что даемъ отвѣтъ на слово, между тѣмъ какъ онъ относится къ цѣлой личности. По нашему представленію мы обсуждаемъ отдѣльный поступокъ, тогда какъ въ дѣйствительности то, чѣмъ безсознательно для насъ самихъ вызывается наше сужденіе, есть

наше внутреннее настроеніе по отношенію къ лицу, совершившему извѣстное дѣло. Тотъ же самый поступокъ, будь онъ совершенъ другимъ человѣкомъ, или тѣмъ же самымъ, но только въ другое время, мы оцѣнили бы совсѣмъ иначе,—и совершенно справедливо. Ибо во всѣхъ жизнеобнаруженіяхъ рѣшающее значеніе принадлежитъ самой жизни. Если же кто-либо захотѣлъ бы абстрагировать отъ нея, имѣлъ бы предъ собою только безжизненный фантомъ.

Эта, образующая личность человѣка, основа его сущности имѣетъ свой корень отнюдь не въ однихъ условіяхъ нашего земного бытія. Допустить противное, повидимому, мы вынуждаемся тѣмъ соображеніемъ, что прошлое человѣка обыкновенно сказывается въ цѣломъ его жизневъраженіи. Предпріятія выдающихся людей получаютъ значительную долю вѣса благодаря тѣмъ отличіямъ, какія раньше снискали эти люди. Если кто прежде разсуждалъ умно, то и менѣе содержательное, на чтò—будь оно сказано другимъ—не обратили бы вниманія, обсуждается на всевозможные лады, и всѣ подозрѣваютъ подъ нимъ глубокій смыслъ. При болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло окажется, что и во всѣхъ раннѣйшихъ выраженіяхъ обнаруживалось то же качество; только впечатлѣніе, производимое послѣднимъ, усиливалось отъ множества побочных обстоятельствъ, а самое качество несомнѣнно предшествовало всѣмъ имъ. Даже поверхностный наблюдатель за малыми дѣтми не можетъ не замѣтить исключительную своеобразность, проявляющуюся во всѣхъ ихъ занятіяхъ и забавахъ. Эта врожденная своеобразность можетъ въ послѣдствіи прикрыться до неузнаваемости различными личинами, но она никогда не исчезнетъ совершенно, и подчасъ черезъ толщу покрововъ прорывается съ юношеской силой, потому что представляетъ собою неистребимую сущность самого человѣка. Не поможетъ въ отысканіи родословія этой своеобразности также и ссылка на предковъ, такъ называемый атавизмъ. Какъ ни удивительно бываетъ сходство съ ними потомковъ, какъ ни много отдѣльныхъ чертъ переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ, какъ ни справедливо положеніе, что національный типъ отпечатлѣвается на каждомъ индивидуумѣ, — однако же это только одинъ матеріалъ, изъ котораго новая жизненная клѣточка образуетъ свою новую форму. Личность не есть продуктъ изъ факторовъ прошлаго. Она есть нѣчто *новое* и притомъ совершенно *оригинальное*. Ея происхожденіе лежитъ за

предѣлами земныхъ сферъ, для которыхъ только и имѣютъ значеніе наши категоріи, а потому и оказывается непостижимою для человѣческаго разума. Противорѣчія мысли являются въ ней примиренными. Она есть нѣчто совершенно особое, и однако же въ каждомъ отдѣльномъ явленіи вмѣстѣ съ нею обнаруживается всеобщая и вѣчная основа всякой жизни. Необходимою является она въ своемъ рожденіи и развитіи, и однако же нигдѣ еще, какъ только въ ней, не обитаетъ свобода. Такъ воистину она божественна по своему происхожденію и возникаетъ непосредственно изъ глубочайшихъ источниковъ жизни. Въ ней покоится истинное благородство и вѣчное назначеніе человѣческаго рода.

О, если бы во всѣхъ нашихъ рѣчахъ и дѣлахъ теплился этотъ небесный огонь! Какъ возвышаетъ и въ тоже время смиряетъ человѣка сознаніе—быть вмѣстилищемъ еще нигдѣ, какъ только въ немъ, осуществленной мысли Божіей; но зато какъ же и могущественно это сознаніе обязываетъ его не искалѣчивать и не суживать эту мысль по своей собственной винѣ! Въ виду такого обязательства, кто можетъ безъ чувства глубокаго стыда помыслить о своей личной жизни? Гдѣ находятся тѣ, которые смотрятъ своими глазами и чувствуютъ собственнымъ сердцемъ? Которые ясно говорятъ то, что думаютъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуютъ только искреннему убѣжденію? Вѣдь мы такъ привыкли къ заученнымъ фразамъ, къ бессмысленному сотрудничеству за спиною другихъ, къ ложной умѣренности нивелированныхъ ощущеній, что невольно изумляемся, когда среди обыденныхъ людей вдругъ встрѣтимся съ незаурядной личностью. А, между тѣмъ, духомъ личности должно оживляться каждое наше дѣло и слово, включительно до сокровеннѣйшихъ помышлений. Въ произведеніяхъ искусства непремѣнно бьется сердце художника. Равно и наука лишь при томъ условіи приближается къ желанной объективности, если ученый напередъ ясно рассмотреть своими глазами предметъ своего изслѣдованія, а потомъ уже точно покажетъ и другимъ, какъ въ *его* духѣ отражаются извѣстныя состоянія и явленія. Не иначе и въ политикѣ,—обсужденіе поставленнаго вопроса—какъ обыкновенно говорятъ—съ предметныхъ или дѣловыхъ точекъ зрѣнія есть въ сущности заблужденіе. Точки зрѣнія никогда не бываютъ предметными, но всегда личными, и собственно рѣшающее значеніе при обсужденіи вопросовъ принадлежитъ внутренней, подчасъ несознаваемой

самою личностію, основною ея тенденціи. На этомъ одномъ покоится также и право сплоченныхъ политическихъ партій. Общественныя отношенія получаютъ значеніе не отъ содержанія рѣчей, но оттого, что встрѣчаются другъ съ другомъ различныя личности, которыя другъ друга ищутъ или одна избѣгаетъ другую. Также и въ семейной жизни благоденствіе и злополучіе происходятъ оттого, чѣмъ *являются* сами по себѣ члены семьи, ибо это именно нѣчто обнаруживается непосредственно во всѣхъ рѣчахъ и дѣлахъ, нестѣсняемыхъ, какъ въ другихъ областяхъ жизни, какими-нибудь особыми соображеніями или принудительнымъ формализмомъ.

Такимъ образомъ, дѣйствія распространяются отъ центра по всей периферіи жизни. Они проникаютъ, перерабатываютъ, одухотворяютъ хрупкій земной матеріалъ. Но чѣмъ ближе къ окружности, тѣмъ они становятся слабѣе. Въ расположеніи чиселъ, въ чисто механическомъ трудѣ, довольно мудрено замѣтить что-либо относящееся исключительно къ личности. Къ ея дѣйствию присоединяется нѣчто другое и, притомъ, болѣе важное, что во всякомъ нравственномъ дѣйствиі, хотя бы послѣднее и опредѣлялось личностію, заставляетъ, однако, ее отступить на задній планъ. Она производитъ дѣйствія, но послѣднія получаютъ относительно самостоятельное бытіе. Она обрабатываетъ безличный матеріалъ, но не уничтожаетъ его. Она обитаетъ въ немъ, но вмѣстѣ и скрывается за нимъ.

Наоборотъ, есть такая область, гдѣ творческая сила личности проявляется не во внѣшней для нея сферѣ, но дѣйствуетъ въ интересахъ собственнаго возрастанія и совершенства. Это—религіозная область. Если въ личности находится таинственная точка соприкосновенія человѣческой жизни съ божественною, то ясно, что еще нигдѣ, какъ только здѣсь, можетъ находиться и колыбель религіи.

Религіознымъ называется такой человѣкъ, чувство и сознаніе котораго всецѣло проникнуто подчиненіемъ его жизни Божьей волѣ. Созерцаетъ ли онъ разнообразныя земныя предметы, онъ одновременно думаетъ объ ихъ высочайшемъ основаніи. Совершаетъ ли какой нравственный подвигъ,—для него менѣе важно достигнутое, чѣмъ личная душа добродѣланія. Также и отдѣльныя происшествія собственной жизни для него не представляютъ такой важности, какъ божественное происхожденіе самой жизни, какъ дѣйствіе единого Духа Божія, ощущаемаго на всѣхъ путяхъ ея, и какъ завершительная

цѣль, къ которой все стремится, когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Сохранить въ силѣ и чистотѣ святое пламя вѣры, — таково желаніе религіознаго человѣка. Если внутри человѣка горитъ это пламя, то навѣрно оно будетъ пробиваться и наружу и будетъ согрѣвать и просвѣщать со всѣхъ сторонъ человѣческую жизнедѣятельность. Часто и не думаетъ человѣкъ о томъ, происходитъ ли и въ какой, именно, формѣ происходитъ это вынаруженіе религіозной жизни, такъ какъ всецѣло поглощенъ заботой — поддержанія и возгрѣванія ея на внутреннемъ очагѣ своего сердца. Почти отрѣшившійся отъ текущихъ событій внѣшней жизни и обратившій умственный взоръ внутрь себя, религіозный человѣкъ можетъ являться подчасъ чуждымъ не только для людей вѣка сего, но и для такихъ почтенныхъ дѣятелей, жизненною цѣлью которыхъ служить — покорить посредствомъ нравственнаго подвига чувственный міръ на служеніе духу. И вотъ иногда мгновенно мечтатель дѣлается героемъ, превосходящимъ всѣхъ другихъ. Не только больше жертвъ можетъ принести онъ по сравненію съ ними, не только болѣе мужественно претерпѣть ужаснѣйшія страданія, но онъ можетъ подчасъ даже потрясти цѣлый міръ, ибо нашелъ для себя твердую опору за предѣлами міра. Въ таковыхъ религіозныхъ *людяхъ* обитаетъ религія, — обитаетъ не въ ученіи только и не въ знаніи, не въ однихъ подвигахъ и дѣйствіяхъ но въ сокровеннѣйшемъ святилищѣ самой личности. Если бы религія не находилась и тамъ, то ея не было бы нигдѣ на свѣтѣ. Неопытные, къ сожалѣнію, могутъ быть введены въ обманъ ловко надѣтою личиною святыхъ словъ и дѣлъ, да къ тому же люди и сами часто взвѣшиваютъ благочестіе точно по мѣрѣ тяжести. Но поистинѣ религіозною является только имѣющая свою опору въ Богѣ самая личность и то, что отъ нея исходитъ, подобно свѣтовымъ лучамъ.

Какъ же распространяется религія? Несомнѣнно, она распространяется и посредствомъ ученія, но становится дѣйственной только тогда, когда личность учителя проникнута сознаніемъ истинности преподаваемаго ученія, и когда послѣднее служить выраженіемъ его внутренней жизни. Несравненно меньше, чѣмъ какое угодно другое, религіозное ученіе мирится съ передачей его остывшимъ сердцемъ и, такъ сказать, въ охлажденномъ состояніи. Пусть поразмыслить объ этомъ каждый, облакающійся въ учительскую тогу и — неимѣющій внутренняго

расположенія къ проповѣдуемому ученію! Напрасно воображалъ бы таковой, будто можно учить религіи. Хотя бы онъ самымъ основательнымъ образомъ усвоилъ содержаніе хр. ученія и хотя бы излагалъ его съ мастерствомъ первокласснаго оратора, при всемъ томъ, онъ принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы. Конечно, было бы несправедливостью совершенно отрицать то, что и посредствомъ одного ученія тамъ и здѣсь, особенно въ воспріимчивыхъ сердцахъ, можетъ воспламениться искра жизни или накопиться такой матеріалъ, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ разгорится яркимъ пламенемъ. Но, все-таки, больше получится вреда, чѣмъ пользы. Очень многіе прозелиты заразятся религіознымъ равнодушіемъ своего учителя, и тѣ, которые сильнѣе другихъ алкали и жаждали Божьей правды, тѣмъ рѣшительнѣе отвернутся отъ такого ученія, которое, предстало ихъ умственному взору въ видѣ бездыханнаго трупa. На свѣтѣ еще мало бываетъ такихъ чистыхъ радостей, какъ если проповѣдникъ съ полнымъ убѣжденіемъ и съ пламенѣющимъ сердцемъ говорить о божественныхъ дѣлахъ и замѣчаетъ, какъ, благодаря личному соприкосновенію душъ, пробуждается въ слушателяхъ божественная жизнь, и какъ въ ихъ взорахъ свѣтится небесная радость. Съ другой стороны, нѣтъ еще болѣе горестнаго состоянія по сравненію съ тѣмъ, какое испытываетъ учитель-наемникъ, слова котораго находятся въ вопіющемъ противорѣчій съ его убѣжденіемъ и жизнью!

Если же въ дѣлѣ религіозной проповѣди рѣшительное значеніе принадлежитъ личному соприкосновенію, то и ученіе, какимъ бы жизненнымъ ни было оно, представляетъ собою только одинъ изъ многихъ покрововъ, подъ прикрытіемъ которыхъ распространяется религія. Ибо разнообразными способами жизнь возгорается отъ жизни, и на чело-вѣческомъ языкѣ еще нѣтъ словъ для выраженія сокрытыхъ даже отъ самыхъ проникательныхъ умовъ первыхъ моментовъ воспламененія послѣдней. «Нисходилъ ли ты во глубину моря и входилъ ли въ изслѣдованіе бездны?», читается въ кн. Іова. «Обозрѣлъ ли ты широту земли? Объясни, если знаешь, все это. Гдѣ путь къ жилищу свѣта, и гдѣ мѣсто тьмы? По какому пути разливается свѣтъ и разносится восточный вѣтеръ по землѣ? Кто проводитъ протоки для изліянія воды и путь для громоносной молніи, чтобы возбуждать травныя зародыши къ возрастанію?» Такъ и въ данномъ

случаѣ можно спросить иного: знаешь ли ты сокровенные пути, по которымъ религія благочестивой матери изливается въ сердца ея малютокъ? Вѣдомо ли тебѣ, какъ она учитъ своихъ дѣтей вѣрѣ въ Бога, благодарности къ Нему и безропотной преданности Его волѣ? Однѣ ли молитвы или священные исторіи произвели на свѣтъ эту дѣтскую вѣру? Да, но только подъ непремѣннымъ условіемъ, что *эта* именно мать сообщаетъ божественное наставленіе именно *этимъ* дѣтямъ, ибо она влагаетъ въ дѣло воспитанія все свое сердце и всю свою жизнь оправдываетъ истинность преподаваемого. Здѣсь уже никакъ не одни слова. Вѣрность, съ какою она оберегаетъ младенческую колыбель, материнскія заботы у одра больныхъ дѣтей, ея невыразимая радость объ ихъ преуспѣяніи, вся эта внутренняя жизнь, въ которой нѣтъ ничего дѣланнаго, но во всемъ видна искренность, посредствомъ тысячи незримыхъ каналовъ устремляется въ дѣтскія сердца и пробуждаетъ въ нихъ такое же настроеніе. Гдѣ дала ростокъ истинная жизнь, тамъ она не остается въ бездѣйствіи. Безчисленное множество мужей, невѣровавшихъ Евангелію, «житіемъ женъ своихъ безъ слова приобретаемы были» — 1 Петр. III, 1. Окрѣпнувшее религиозное настроеніе привлекаетъ къ себѣ не только случайно собравшихся и внемлющихъ ему, но и будущія поколѣнія, силою истины препобѣждая упорное сопротивленіе. Не одно христіанское ученіе сдѣлало изъ фанатическаго Савла первоверховнаго апостола. Но, когда онъ созерцалъ мученическую кончину Стефана, когда онъ слышалъ его предсмертное моленіе къ Господу Іисусу, тогда, быть можетъ, впервые запала въ его душу искра христіанской вѣры. Она пока тлѣла, и Савль никакими усиліями не могъ погасить ее; но затѣмъ возгорѣлась яркимъ пламенемъ, благодаря личному соприкосновенію гонителя съ Тѣмъ, Которому и Стефанъ былъ обязанъ своею благочестивою жизнью. Въ свою очередь и духъ Павла многихъ возродилъ къ истинной жизни. Такъ отъ одного христіанина свѣтъ вѣры переходитъ къ другому.

II.

Исключая Богочеловѣка—Христа, у всѣхъ религиозныхъ дѣятелей мы находимъ недостатокъ нравственной силы, душевной гармоніи и житейской чистоты. Этотъ недостатокъ мы оплакиваемъ и въ себѣ самихъ. По мучительному опыту

всякій знаетъ, какъ рѣдки тѣ великія мгновенія, въ которыя мы чувствуемъ себя свободными отъ себялюбивыхъ и чувственныхъ пожеланій, когда въ насъ свободно носится дыханіе Духа Божія,—тѣ мгновенія, которыя поднимаютъ насъ такъ высоко надъ соблазнами вѣка, и въ которые мы впервые обрѣтаемъ насъ же самихъ. Они являются подобно небеснымъ посланникамъ, но удержать ихъ не удастся намъ. Мы видимъ только ихъ свѣтлые слѣды и опускаемся опять въ земную тьму, побораемся новыми сомнѣніями, становимся жертвою страстей и подчасъ впадаемъ въ отчаяніе отъ мучительныхъ заботъ. Мы бываемъ далеки отъ того, чтобы отвергать божественную истину, но эта истина не является въ насъ жизнью. И вотъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми лицами, отъ которыхъ получается впечатлѣніе, что ихъ душа глубже и крѣпче коренится въ Богѣ. Но именно самые лучшіе изъ нихъ испытываютъ, подобно намъ, тяжкое состояніе духовной неудовлетворенности. Чѣмъ пристальнѣе они всматриваются въ чудную перспективу нравственнаго усовершенствованія и чѣмъ больше восторгаются желанною цѣлью благородныхъ стремленій, тѣмъ сильнѣе даетъ имъ знать о себѣ дальность разстоянія ихъ отъ идеала. Повсюду эгоистическое прилѣпленіе къ земному и разслабляетъ человѣка. Даже и въ герояхъ вѣры подчасъ наблюдается оно. Наоборотъ, въ совершенно исключительномъ положеніи находится Христосъ Спаситель. Происходящая изъ премірныхъ нѣдръ въ Немъ течетъ чистѣйшая божественная жизнь. Она проникаетъ каждое дѣло и слово, обнаруживается въ каждомъ движеніи сердца и составляетъ, такъ сказать, самое дыханіе Его богочеловѣческой жизни. Земная жизнь, обыкновенно омрачающая и скрывающая божественную, въ Немъ является какъ бы прозрачнымъ сосудомъ, пріемлющимъ въ себя свѣтлыя струи небесной жизни, удобозримыя даже и смертными очами. Повсюду здѣсь близость Бога и миръ Божій. Вмѣстѣ святость и любовь, могущество и спокойствіе. Подъ временнымъ покровомъ вѣчное содержаніе. Есть ли это человѣческая жизнь, или это жизнь божественная? Кто можетъ отдѣлить одну отъ другой, когда онѣ составляютъ единство? Ибо всякая истинная жизнь есть непременно божественная. Видѣ Бога только смерть. Если изъ другихъ источниковъ повсюду изливаются въ человѣческую жизнь только мутныя воды смерти, то почему же не должна гдѣ-нибудь для исцѣленія

всѣхъ протекать также и чистая вода жизни? Почему среди колеблющихся не долженъ находиться одинъ не колеблющійся, среди слѣпцовъ—одинъ видящій? Почему между столь многими, ведущими на небо, ступеньками не должна быть одна высочайшая ступень непосредственно при вратахъ Отчого дома, между безчисленными приближеніями къ центру такая точка, которая совпадаетъ съ самымъ центромъ? Почему же нѣтъ. если того хочетъ Богъ? И почему такимъ жизненнымъ центромъ не долженъ быть Христосъ Спаситель? Безчисленное множество спасенныхъ доказываетъ, что въ Немъ они обрѣли жизнь. Мучимый жаждою находить только у Него чистое питіе, и жажда утоляется. Возжаждавшая Бога человѣческая душа, не получившая удовольренія своимъ запросамъ даже и отъ самыхъ благочестивыхъ и самыхъ мудрыхъ изъ земнородныхъ, все еще жаждущая, находить Христа, а въ Немъ и свое успокоеніе. Здѣсь обрѣтаетъ она Самого Бога, и Онъ утоляетъ ея жажду. На то и родился Спаситель, чтобы мы имѣли жизнь и всѣ средства къ ея достиженію. Кто самъ на себѣ испыталъ животворное дѣйствіе Божественной благодати, тотъ уже не спрашиваетъ о томъ, возможно ли и какъ, именно, оно возможно, ибо наличность факта есть наиболѣе убѣдительное доказательство его возможности. Предъ чудеснымъ удовольреніемъ всѣмъ высочайшимъ запросамъ жизни и духа исчезаетъ всякое умничающее сомнѣніе, какъ туманъ при солнечномъ восходѣ.

III.

Вѣра во Христа есть созерпаніе Его духомъ и успокоеніе въ Немъ сердца, каковыми состояніями производятся величайшія дѣйствія въ области воли и всей человѣческой жизни. Подобно тому, какъ начинающій учиться какому-либо искусству и видящій впервые мастерское произведеніе своего учителя, чувствуетъ себя совершенно разбитымъ въ прежнемъ мнѣніи о себѣ самомъ, а вмѣстѣ какъ бы и приподнятымъ надъ собою и одушевленнымъ къ подражанію,—такъ въ несравненно еще большей степени каждый, въ душѣ котораго подъ терніемъ земныхъ заботъ и страстей еще не совсѣмъ заглухло стремленіе къ высочайшей цѣли жизни, чувствуетъ себя всецѣло плѣненнымъ божественнымъ, Лицомъ Христа, какъ только Оно предстанетъ во всей красѣ его духовному взору. Но вѣдь здѣсь идетъ рѣчь не о какомъ-нибудь искус-

ствѣ, объ истинной жизни, объ ея цѣнности и цѣли, о погибели ея или о вѣчномъ продолженіи. Впечатлѣніе, получаемое отъ этого безусловнаго послушанія Богу, отъ этого Сыновняго отношенія и преданности небесному Отцу, отъ этой, свѣтящей и во тьмѣ истины, отъ этой, исполненной самоотверженія и любви къ людямъ, причинявшимъ Ему много жесточайшихъ страданій, — впечатлѣніе настолько сильно, что въ насъ рождается твердая увѣренность въ Божіей любви къ грѣшному человечеству, въ любви ко всѣмъ и къ каждому. Въ то же время, подобно жалкой личинѣ, отпадаетъ отъ насъ дотолѣ самоуслаждавшее нашъ эгоизмъ чувство своего мнимаго достоинства, такъ что, посрамленные своимъ убожествомъ и нищетою, униженные созерцаніемъ необъятной пропасти, отдѣляющей наше дѣйствительное положеніе отъ того, въ какомъ намъ должно находиться, мы въ прахѣ и пеплѣ повергаемся ницъ. Съ другой же стороны, мы смиряемся отнюдь не отъ дѣйствія строго-неприсутливой святости Христовой, но дивнымъ устроеніемъ, — котораго невозможно изслѣдовать умомъ, а можно постигнуть только цѣлымъ процессомъ душевнаго переживанія, — по которому со святостью нераздѣльно соединена любовь, такъ что опять становимся на ноги, поддерживаемые крѣпкою десницею Спасителя, которою Онъ Самъ вводитъ насъ въ сферу Своей святой жизни. Правда, еще очень многого недостаетъ намъ для того, чтобы безошибочно идти по стопамъ Христовымъ и возрастить въ своей душѣ Его мысли и чувства, но въ *принципѣ* мы уже сдѣлались причастниками новой жизни. Въ насъ уже насаждено зерно этой жизни и оно въ Свое время даетъ ростокъ, потому что Самъ Христосъ напояетъ свое насажденіе и ухаживаетъ за нимъ; не убоится оно житейскихъ тревоженій, а еще болѣе окрѣпнетъ съ теченіемъ времени; тогда какъ наша грѣховная природа, хотя подчасъ и очень бурно предъявляющая намъ свои мнимыя права на нашу жизнь, отселѣ становится растеніемъ съ прогнившимъ корнемъ. Здѣсь выступаетъ въ своей поразительной силѣ тайна духовнаго жизнеобщенія. Гдѣ двѣ души любовью слились во едину, тамъ каждая выходитъ изъ себя самой и живетъ въ другой, смотритъ ея очами, думаетъ ея мыслями, устремляется по влеченію ея желаній. Такъ, вѣрующая душа воспринимаетъ чувствованія Христовы въ самое средоточіе своей жизни, и, какъ бы ни падалъ низко возрожденный человѣкъ, все-таки, пока еще въ немъ не исчезла

нелицемерная любовь къ Христу, онъ можетъ дерзновенно сказать: то, ветхое, не относится къ моему существу, оно только приражается къ нему, въ дѣйствительности же теперь уже не я болѣе живу, но Христосъ живетъ во мнѣ. Все обновилось во мнѣ, поелику Онъ сдѣлался жизнью моей жизни; и, хотя новая жизнь медлительно пробиваетъ себѣ русло чрезъ груды всякаго мусора и нечистоты, однако она имѣетъ предъ собою свѣтлую перспективу, а въ себѣ носить залогъ вѣчности. Такъ вѣра даруетъ блаженство христіанину. На первыхъ порахъ своего духовнаго роста она не требуетъ непремѣнно принятія выработанной во всѣхъ частностяхъ системы, научно-діалектическаго постиженія божественныхъ истинъ и облеченія ихъ въ формально-логическія оболочки. Ея отечество—сердце, которымъ «вѣруется въ правду», въ которомъ обитаютъ любовь и надежда, и гдѣ перекрещиваются тысячи смѣняющихся чувствованій. Тамъ же происходитъ борьба, изъ сердца изгоняется всякая скверна, въ немъ возгорается новая жизнь, воспламеняется свѣтъ, гдѣ передъ тѣмъ была тьма, и водворяется добрый порядокъ вмѣсто прежняго хаоса. Какая премудрость и вмѣстѣ какая простота въ этой, дарующей человѣку блаженство, вѣрѣ! Иначе и быть не можетъ, потому что вѣра не есть привиллегія только однихъ знатныхъ вѣка сего, но всеобщее достояніе, доступное всякому простецу включительно до руконосимаго младенца. Слѣдовательно, колыбель вѣры должна находиться въ потаенныхъ нѣдрахъ человѣческаго духа. Такъ проста вѣра и однако столь рѣшительна, такъ настойчива въ достиженіи самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей, ежедневно творящая и, подобно свѣту, озаряющая новый міръ. Она всегда по существу одна и таже, но человѣческій опытъ и переживаніе не одни и тѣже, а потому въ вѣрѣ нѣтъ ничего монотоннаго, и она никогда не старѣетъ, ибо вѣрующій переживаетъ всякое испытаніе, а равно и пользуется имъ совершенно иначе по сравненію съ невѣрующимъ. Какъ и что будешь ты говорить въ данномъ положеніи? Съ какимъ чувствомъ перенесешь страшный ударъ судьбы? Какъ встрѣтишься съ этимъ недоброжелателемъ? Съ какимъ настроеніемъ завтра и потомъ подымешь на себя тяжкій яремъ своихъ обязанностей? Какое неизмѣримое получается различіе, даетъ ли отвѣтъ на эти вопросы повинующійся своимъ естественнымъ влеченіямъ человѣкъ, или другой, всецѣло живущій въ Богѣ—Спасителѣ! Только въ по-

слѣднемъ случаѣ получится твердое и достойное ихъ рѣшеніе, въ которомъ христіанинъ руководствуется не земными соображеніями и не молвою свѣта, но свидѣтельствомъ своей облагодатствованной совѣсти, тѣмъ «умомъ Христовымъ», о которомъ пишетъ св. апостоль, и который безошибочно распознаетъ истинное и отметааетъ лукавое.

Святая истина,—возразятъ намъ,—но вѣдь тоже производить само по себѣ и одно христіанское вѣроученіе. Однако такъ возражающій очевидно не знаетъ настоящей цѣны силѣ личности. Какъ часто, особенно въ юношескомъ періодѣ жизни, соблазнитель въ человѣческомъ образѣ подступаетъ лично съ лъстивыми рѣчами и со всякими соблазнами къ другому человѣку,—и куда пошли прочь всѣ заботливо взлелѣанныя правила жизни! И только личная близость отца и матери или убѣдительно-твердое слово друга оживляютъ полузабытое правило и спасаютъ обольщеннаго отъ рокового шага. Во сколько же разъ крѣпче должно быть вліяніе Того, Кто Самъ представлялъ Собою воплощеніе божественной благодати? Христіанское ученіе, особенно теперь, извѣстно—можно сказать—повсюду, но одно ученіе само по себѣ еще не въ состояніи возрастить во всей красѣ истинно-религіозную жизнь. Вѣдь это ученіе потому и называется христіанскимъ, что происходитъ отъ Самого Христа и заключаетъ въ себѣ Его силу. Поэтому, кто стремится къ высшему совершенству и хочетъ сохранить твердость въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, тотъ отъ дѣйствія долженъ восходить къ дѣйствующему и отъ абстрактныхъ понятій къ живому Лицу. Спаси это богочеловѣческое Лицо отъ всякихъ искаженій, приблизить Его возможно больше къ людямъ «прелюбодѣйнаго рода», избавить этихъ послѣднихъ отъ пагубнаго заблужденія, по которому личная близость есть будто бы только тѣлесная смежность, убѣдить ихъ въ непостоянствѣ и призрачности земного міра явленій, чтобы тѣмъ больше укрѣпить вѣру въ Того, Который обѣтовалъ пребывать съ нами «во вся дни до скончанія вѣка»,—задача эта несомнѣнно достопочтенна, особенно въ наше многмятущееся время.

Изъ такой вѣры во Христа произрастаетъ цѣлая христіанская вѣра со всѣми ея развѣтвленіями. Вѣра имѣетъ своимъ предметомъ Бога, Его ищетъ и Его обрѣтаетъ она. Что же касается вѣры во Христа, то она не только приводитъ

къ вѣрѣ въ Бога, но и непосредственно есть эта самая вѣра. То несомнѣнно, что Христосъ для насъ служить высочайшимъ образомъ во всемъ, чтò только есть великаго и прекраснаго въ цѣломъ мірѣ; но этимъ еще не дается полного удовлетворенія нашему религіозному чувству, находящему успокоеніе только въ единомъ Богѣ. Въ томъ-то и состоитъ величайшее заблужденіе тѣхъ либеральныхъ богослововъ, которые, въ разсмотрѣніи значенія Христа, не простираются дальше идеала совершеннаго, хотя бы и соединеннаго съ Богомъ, человѣка—учителя о Богѣ и дѣлахъ Его. Какими привлекательными чертами ни изображали бы они указанное значеніе: религіозное чувство все-таки будетъ терзаться однимъ существеннымъ недостаткомъ. Подайте мнѣ, заявить оно, не ученіе только о Богѣ, но Самого Бога! Живописуйте мнѣ не человѣка только, находящагося въ единеніи съ Богомъ, но покажите, какъ самъ я долженъ быть съ Нимъ въ единеніи. Это основное требованіе религіознаго чувства получить удовлетвореніе только тогда, когда явится разумѣніе, что въ такомъ Праведникѣ Самъ Богъ открывается людямъ. Когда въ зеркалѣ отражается солнце, лучи котораго достигаютъ наблюдающаго глаза, то мы говоримъ, что видимъ солнце. Такъ и когда мы познаемъ истину и любовь Христовы, то, правда, предъ нами истина и любовь человѣка, однако столь непосредственно происходяція изъ его единства съ Богомъ, что мы одновременно познаемъ истину и любовь Божіи. Безпредѣльнаго, Вѣчнаго, Непостижимаго видимъ мы въ ясномъ зеркалѣ,—видимъ такъ, какъ вообще только могутъ видѣть Его люди. «Видѣвый Мене, видѣ Отца». Такъ во Христѣ мы обрѣтаемъ Бога ¹⁾).

IV.

«Таинство странное вижу и преславное» невольно признается каждый, внимательно всматривающійся въ необыкновенное Лицо Богочеловѣка. И, вотъ, начинается буря сомнѣній даже въ благочестивомъ созерцателѣ. Нашъ ветхій человѣкъ, не могущій еще окончательно отложить свою гордыню, вникая въ смыслъ высочайшаго ученія Н. Завѣта, поражааясь чудесами великаго Чудотворца и Его превосходствомъ надъ самыми великими изъ людей, никакъ не можетъ допустить мысли,

¹⁾ По *O. Dreyer's*, *Undogm. Christentum*. Braunschw. 1888. s. 65—71.

что Іисусъ не человѣкъ только, но вмѣстѣ и Богъ, и останавливается на компромиссѣ: это величайшій изъ великихъ міра сего. За то нашъ новый человѣкъ порываетъ всякую связь съ позорнымъ компромиссомъ и, поборая тьму сомнѣній, приходитъ къ радостному исповѣданію Петрову: «Ты еси Христосъ, Сынъ Божій», т. е., второе Лицо Св. Троицы, воплотившійся насъ ради Богъ—Слово.

Какое радостное исповѣданіе! Но какъ, спрашивается, оправдать его, какъ удостовѣриться въ этой спасительной истинѣ когда отовсюду поднимается столько возраженій противъ нея, не только не умолкающихъ, но все болѣе и болѣе возвышающихъ голосъ особенно въ наши дни? Попытаемся вкратцѣ отвѣтить на вопросы.

Прежде всего предъявляемъ нашимъ возражателямъ то положеніе, что изъ всего, подвергаемаго сомнѣнію, самымъ несомнѣннымъ служить человѣческое сознаніе и самосознаніе. Кому неизвѣстно, съ какою самоувѣренностью современная экспериментальная психологія виновность или невинность человѣка основываетъ на результатахъ освидѣтельствванія его умственныхъ способностей и, главнымъ образомъ, сознанія. Цѣну человѣческой личности назначаютъ, смотря по тому, что читаютъ въ ея самосознаніи.

Во Христѣ также было Свое самосознаніе, и разъ поднять вопросъ: «что вамъ мнится о Христѣ: чій есть Сынъ»?—естественно обратиться за рѣшеніемъ его къ самосознанію Самого Спасителя. Откуда, спрашивается прежде всего, возникло у Него сознаніе Своей безгрѣшности? Не изъ внѣшняго же міра Онъ добылъ его; и не въ грѣховности окружающихъ людей коренится оно. Какъ угодно можно идеализировать относительныя человѣческія совершенства, но и тысячекратное, хотя бы безчисленное множество разъ слагаемое одно съ другимъ условное и ограниченное, никогда не дастъ въ суммѣ безусловнаго и безпредѣльнаго. Мы знаемъ, какими гигантскими шагами шли къ своему возвеличенію, напримѣръ, Будда и Магометъ, однако ни тотъ, ни другой сами никогда не дерзали называть себя безгрѣшными въ томъ смыслѣ, въ какомъ сознавалъ и называлъ Себя Господь І. Христосъ. Извѣстны намъ и другіе многочисленные примѣры святыхъ и героев изъ исторіи христіанской церкви, но ни одинъ святой и никто изъ самыхъ достославныхъ героев не можетъ выдержать даже и поверхностнаго сравненія со Христомъ,

этимъ святымъ изъ святыхъ и подвигоположникомъ изъ всѣхъ героевъ. «Кто изъ васъ обличитъ Меня во грѣхѣхъ», спрашиваетъ Спаситель Своихъ враговъ, и ни одинъ изъ нихъ не осмѣливается указать хотя бы на какой-либо дѣйствительный въ Немъ недостатокъ. Наоборотъ, посланные взять Иисуса слуги синедріона свидѣлствуютъ своимъ начальникамъ, что «николиже тако есть глаголаѣ человекъ, яко сей человекъ» Іоан. VII, 46. Научая апостоловъ молиться, Христосъ начинаетъ молитву обращеніемъ къ Отцу небесному, Котораго всѣ вѣрующіе должны называть общимъ Отцомъ: «Отче *нашъ*», но Самъ Спаситель никогда не обращался къ Нему съ такимъ предикатомъ. Не возбраняя людямъ приближаться, въ качествѣ чадъ, къ ихъ небесному Отцу, Самъ Христосъ нисколько не поступается Своимъ исключительнымъ богосыновствомъ и потому только Самъ, а никто другой, именуетъ Бога *Своимъ* Отцомъ, — въ исключительномъ Личномъ смыслѣ, въ какомъ Онъ говоритъ: «Азъ и Отецъ едино есма», или «Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ», «Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю»... Научая, далѣе, въ той же молитвѣ апостоловъ просить у небеснаго Отца оставленія долговъ, т. е. грѣховъ, Самъ Христосъ никогда не обращался къ Богу Отцу съ такимъ моленіемъ. Повидимому, Геэсиманская молитва была наиболѣе удобна для того, чтобы грядущій на вольную страсть за грѣхи міра Искушитель хоть разъ въ теченіе Своей земной жизни употребилъ самый легкій намекъ на какое-либо Свое несовершенство и просилъ бы Отца о помилованіи. И, однако же, тщетно стала бы выслѣживать такой намекъ даже самая придирчивая критика. Наоборотъ, послѣдняя въ лицѣ, наприм., Ренана и Штрауса рѣшительно свидѣлствуетъ въ пользу ничѣмъ и никогда ненарушимой гармоніи внутренняго міра Христова ¹⁾. Не испрашивавшій Себѣ прощенія въ несуществующихъ грѣхахъ, Спаситель тѣмъ самымъ рѣшительно выдѣляетъ Себя изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ какъ родился, такъ жилъ и умеръ «не имый грѣха», «ниже обрѣтесе лествица во устѣхъ Его».

Самъ не имѣвшій грѣха, Онъ за то отпускаетъ грѣхи другимъ, напримѣръ, тому разслабленному, котораго исцѣлилъ въ Капернаумѣ: «Чадѣ, отпускаются тебѣ грѣси твои», или

¹⁾ См. о. Евгенія брош. «О Спасителѣ и о спасеніи». Спб. 1899. Стр. 5—7.

женщинѣ-грѣшницѣ, которой отпустилъ «грѣси ея мнози», или испѣленному при овчей купѣли: «се здравъ еси: кому не согрѣшай»... и молится о прощеніи людямъ ихъ согрѣшеній. Пришедшій даровать имъ жизнь и научить ихъ истинѣ, Онъ Самъ говоритъ о Себѣ: «Азъ есмь путь, и истина и животъ», и вѣру въ Себя называетъ условіемъ вѣчной жизни: «вѣруй въ Мя имать животъ вѣчный».

Чтобы покончить непріятный счетъ съ такимъ, исполненнымъ необъятной силы и высочайшаго достоинства, самознаніемъ Христовымъ, критикѣ остается сдѣлать одно изъ привычныхъ ей *salto mortale*, т. е. объявить всѣ эти мѣста, свидѣтельствующія о Богочеловѣчествѣ Спасителя, подложными. Но спрашивается: кто же совершилъ подлогъ? Апостолы были для этого слишкомъ просты и неучены. Имъ ли, неученымъ рыбалямъ, пускаться въ такія научныя авантюры, на которыя способенъ далеко не всякій даже и изъ ученыхъ изслѣдователей? Если бы даже и взялись за него и блистательно исполнили его галилейскіе рыбаки, то въ такомъ случаѣ имѣеть свой *raison d'être* вопросъ: откуда галилеяне могли взять столь возвышенныя черты идеальнаго образа своего Учителя? Вѣдь апостолы были дѣти своего времени и раздѣляли съ своими соотечественниками нѣкоторыя земныя представленія о Мессіи! И вдругъ подъ ихъ чудною кистью живописуется такой Христосъ, въ Которомъ нѣтъ даже и тѣни чувственнаго Мессіи — завоевателя, нѣтъ ничего временно-національнаго, узкаго и партійнаго, Который чуждъ всякихъ предвзятыхъ сужденій и человѣческихъ несовершенствъ! Это ужъ поистинѣ было бы *Deus ex machina*!

Сколько угодно можно штудировать Ветхій Заветъ съ цѣлью отыскать въ немъ элементы, изъ которыхъ, по мнѣнію критики, апостолы или другіе новозавѣтные писатели якобы создали неподобный образъ Божественнаго Учителя: трудъ не увѣнчается успѣхомъ. Нѣтъ спору, что въ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, особенно у пророковъ, разсѣяны отдѣльныя черты Мессіанскаго Лица, но вопросъ, вѣдь, не въ нѣкоторыхъ только чертахъ, а въ изображеніи цѣлаго живаго Лица Богочеловѣка, — къ чему апостолы были рѣшительно неспособны.

Въ самомъ дѣлѣ, прочитайте Евангеліе, и вы воочію убѣдитесь, насколько Христосъ возвышался надъ самыми высокими изъ апостоловъ, чтобы не считать послѣднихъ способными

къ идеализаціи якобы простаго челоѣка въ Богочелоѣка. Вотъ, напримѣръ, первоверховный Петръ началъ «прерѣцати» своему Учителю въ разсужденіи искупительныхъ Его страданій и получаетъ достойное возмездіе въ словахъ Христовыхъ: «отойди отъ Меня, сатана» Мѡ. XVI, 22. 23. Сыновьямъ Зеведеевымъ, мать которыхъ просила Спасителя спосадить ихъ по правую и по лѣвую Его руку въ царствіи небесномъ, Онъ отвѣчаетъ: «не вѣста, чесо просита» Мѡ. XX, 22. По свидѣтельству Ев. Луки XXIV, 21. 22, апостолы вообще не разумѣли того, что Христу надлежало пострадать, и «слово крестное» «было закрыто отъ нихъ, такъ что они не постигали его». На горестныя разсужденія еммаусскихъ путниковъ Господь отвѣчаетъ также горестнымъ укоромъ: «о, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки» Лк. XXIV, 25. «Не ваше дѣло», замѣчаетъ Воскресшій Своимъ ученикамъ, «знать времена или сроки, которые Отецъ положилъ во власти Своей» Дѣян. 1, 7.

«Отступи отъ меня, Господи», взываетъ послѣ обильнаго лова рыбы первоверховный апостолъ къ необыкновенному Чудотворцу, «ибо я челоѣкъ грѣшный» (Лк. V, 8). Другой апостолъ, несчастный Іуда предатель, терзаемый укорами пробудившейся совѣсти, возвращаетъ первосвященникамъ сребренники со словами: «согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную... И, бросивъ сребренники, удавился» (Мѡ. XXVII, 4—5). Поразительное впечатлѣніе, производимое на людей святымъ Учителемъ, можно сказать, не оставляло ихъ ни днемъ, ни ночью и заставляло ихъ жить Его радостями, а еще болѣе Его скорбями. «Не дѣлай ничего Праведнику тому», умоляетъ язычница своего супруга, «потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него» (Мѡ. XXIII, 19), и самъ игемонъ, послѣ тщетныхъ усилій оправдать невиннаго Страдальца, нашелъ необходимымъ торжественно отречься отъ всякаго соучастія въ вопіющемъ злодѣяніи. Возливъ воду, онъ «умылъ руки предъ народомъ и сказалъ: не виновенъ я въ крови Праведника сего» (—24). Распятый со Христомъ благоразумный разбойникъ, челоѣкъ, не смотря, быть можетъ, на многочисленныя злодѣянія, вспомнившій о Богѣ въ часы своихъ ужасныхъ страданій (Лк. XXIII, 40), обращается теперь съ горячей молитвой не къ тому Богу, Котораго призывалъ до настоящаго времени, но въ униженномъ, осмѣян-

номъ и поруганномъ всѣми Страдальцѣ признаеть воплощеннаго Искупителя-Бога: «помяни мя, Господи, егда прїидеши во царствїи Си» (—42). Озаренные Св. Духомъ галилейскіе рыбаки неустрашимо проповѣдали всему міру о Распятомъ Царѣ славы (Дѣян. I, 8), и еще изъ апостольскаго вѣка мы имѣемъ очень важное свидѣтельство проконсула *Плинія* о томъ, что современные ему христіане имѣли обыкновеніе на своихъ богослужебныхъ собраніяхъ пѣть гимнъ Христу, какъ Богу: *carmenque Christo, quasi Deo dicere* ¹⁾).

«Большій изъ рожденныхъ женами» Мѡ. XI, 11, *Св. Іоаннъ Предтеча*, «свидѣтельствуеть» объ Иисусѣ словами: «Сей былъ Тотъ, о Которомъ я сказалъ, что Идущій за мною сталъ впереди меня, потому что былъ прежде меня» Іоан. I, 15. Видя грядущаго къ нему Иисуса, Предтеча говоритъ: «се, Агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра»—29. «Я не зналъ Его; но для того пришелъ крестить въ водѣ, чтобы Онъ явленъ былъ Израилю»—31. «Сей есть Сынъ Божій»—34. —Требовать болѣе рѣшительнаго и болѣе яснаго свидѣтельства о Божествѣ Спасителя, по сравненію съ приведеннымъ, невозможно. Заподозрить его подлинность нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній, напротивъ, въ виду другихъ указаній изъ Евангелія Мѡ. III; XI, 1—20; XXI, 32; Мр. I, 1—11; Лк. III, 1—18; XX, 1—8 и мн. др., необходимо принять его въ качествѣ драгоцѣннѣйшаго документа, имѣющаго очень важное значеніе для нашей цѣли. Важный по существу дѣла онъ важенъ еще и по своему происхожденію. Что бы взвѣснить цѣнность послѣдняго обстоятельства, слѣдуетъ помнить, что Іоаннъ, по свидѣтельству *Іосифа Флавія* ²⁾, былъ такой знаменитый проповѣдникъ, къ которому «многіе стекались отовсюду и въ очень сильной степени—ἐπὶ πλεῖστον—были возбуждены его проповѣдью; они не задумались бы все исполнить по его совѣту». Предъ нравственнымъ величіемъ Крестителя блѣднѣло политическое могущество тетрарха. «Иродъ боялся Іоанна», по словамъ евангелиста, «зная, что онъ мужъ праведный и святой» Мр. VI, 20. Не задолго до Своихъ крестныхъ страданій Спаситель отражаетъ лукавое совопросничество Своихъ враговъ краткимъ вопросомъ о происхожденіи Іоаннова крещенія,—и у нихъ мгновенно пропа-

¹⁾ *О. Евгеній*. О Спасителѣ и о спасеніи. Спб. 1899. Стр. 18.

²⁾ Ant. XVIII; 5, 2.

даетъ прежняя рѣшимость схватить Господа Мо. XXI, 26 Ἀγαθὸν ἄνδρα называетъ Предтечу іудейскій историкъ ¹⁾, и, какъ бы не желая отстать отъ послѣдняго, позднѣйшіе писатели титулуютъ пророка именемъ «великаго священника ²⁾).

Пусть теперь каждый безпристрастный читатель судить, основываясь на приведенныхъ данныхъ, о важности Іоаннова свидѣтельства въ пользу Богочеловѣчества Христа-Спасителя, а также подумаетъ и о выборѣ между двумя свидѣтелями: Крестителемъ и Толстымъ. Довольно неожиданная и вмѣстѣ происходящая изъ существа дѣла дилемма, выходъ изъ которой становится легкимъ и даже пріятнымъ, благодаря, именно, сопоставленію «свѣтильника Свѣта» съ Его гасителемъ, чтобы не выразиться сильнѣе въ виду апостольскаго увѣщанія: «всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста» 1 Іоан. IV, 3.

Не будемъ умножать ссылокъ: довольно и приведенныхъ для совершеннаго убѣжденія въ непричастности Апостоловъ къ подозрѣваемой идеализаціи Лица Христа - Спасителя. На это нѣтъ ни историческихъ, ни психологическихъ данныхъ, и развѣ только для пустой забавы въ такомъ серьезномъ дѣлѣ кто-либо сталъ бы ссылаться на другихъ возможныхъ живописателей. Кто же эти другіе? Мужи апостольскіе? Апологеты? Свв. отцы и учителя церкви? Историки? Сколько угодно можно именовать мнимыхъ вкладчиковъ въ идеальное содержаніе Евангелія и, все-таки, ни разу не удастся, по выше-приведеннымъ соображеніямъ, удостовѣрить дѣйствительность фантастической идеализаціи. Не споримъ: буддисты и мусульмане въ послѣдствіи времени навязали Буддѣ и Мухаммаду своего рода безгрѣшность. Но что это за извращеніе самыхъ элементарныхъ требованій нравственности, что это за карриатура безгрѣшности, заднимъ числомъ приписанная къ счету безчисленныхъ прегрѣшеній религиозныхъ реформаторовъ! И въ какомъ вопіющемъ противорѣчій даже и такая безгрѣшность находится къ грѣховнымъ обликамъ упомянутыхъ лицъ! Вѣдь намъ дороги не произвольные вымыслы, а та историческая *правда*, та исторія, которая повѣствуетъ о дѣйствительно происшедшемъ, а не о какихъ-то мифахъ.

¹⁾ I. Flav. Ant. XVIII; 5, 2.

²⁾ Flav. Op. ed. Havercamp. t. II. Suppl. p. 367.

Если же ни апостолы и ни кто-либо иной не могли искусственно создать идеальный образъ Христа, если для этого нѣтъ никакихъ подходящихъ историческихъ аналогій, и если, далѣе, Самъ Христосъ, будь Онъ обыкновенный смертный, рѣшительно не могъ изъ несовершеннаго сдѣлаться безгрѣшнымъ, и въ Немъ, какъ не безгрѣшномъ, не могло родиться сознаніе Своей безгрѣшности и нсобыкновенной близости къ небесному Отцу, то мы стоимъ предъ слѣдующей альтернативой: Христосъ былъ или обманщикъ или Богочеловѣкъ. Первый исходъ рѣшительно невозможенъ въ силу несогласимости обмана съ поразительнымъ нравственнымъ совершенствомъ Христа; слѣдовательно, остается признать, что предъ нами не простой человѣкъ, но Богочеловѣкъ.

Послѣ этого сама себя изобличаетъ въ несостоятельности ссылка рационалистовъ всѣхъ направленій включительно до Толстого, на яко бы просто-человѣческое происхожденіе Христа. Очевидная нелѣпость этой ссылки усугубляется еще тѣмъ отвратительнымъ цинизмомъ, съ какимъ Л. Толстой, такъ сказать, вскрываетъ и распластываетъ тайну безмужнаго зачатія и рожденія Спасителя. Въ „Соединеніи и переводѣ четырехъ Евангелій“ ¹⁾ Толстой выражается такъ: „была дѣвица Марія... Отъ нея-то и неизвѣстнаго отца родился мальчикъ“. Извѣстный вождь современнаго монизма, проф. Геккель, въ своемъ антихристіанскомъ сочиненіи «Die Wetträthsel» ²⁾ однимъ почеркомъ пера повелѣваетъ неизвѣстному родителю именоваться «Іосифомъ Пандерой, римскимъ сотникомъ калабрійскаго легіона, стоявшаго въ Іудеѣ». Такъ „дѣлають исторію“ съ пошлою развязностью бульварныхъ гаеровъ, забывая о самыхъ первоначальныхъ правилахъ благопристойности. И хотя бы эта басня была оригинальна! Но въ ней нѣтъ даже и тѣни новизны, а только повторяется гнусная іудейская клевета на Христа, нашедшая себѣ мѣсто въ нападкахъ извѣстнаго Цельса, но за то и блестящее опроверженіе въ сочиненіи Оригена Contra Celsum ³⁾. Мы выше сказали о важности свидѣтельства самосознанія вообще и, объ исключительномъ значеніи, Богочеловѣческаго самосознанія Христа-Спасителя для пра-

¹⁾ Изданіе Элпидина. T. I. Genève. 1892. Стр. 43.

²⁾ Bonn. 1900. 5-te Aufl. S. 378.

³⁾ Lib. I, c. 32. См. также Baur'a Kirchengeschichte. 3-tte Ausg. Tübing. 1863. S. 385.

вильнаго сужденія о достоинствѣ человѣка вообще и о божественномъ достоинствѣ Исккупителя въ частности.

Въ нашъ вѣкъ эмпирическаго знанія ученые до того преувеличиваютъ значеніе разсматриваемаго фактора, что даже обезьянѣ навязываютъ человѣческую родословную. Но вотъ и обратная сторона медали. Предъ однимъ изъ выдающихся современныхъ естествоиспытателей сіяетъ, какъ солнце, богочеловѣческое самосознаніе, и, казалось бы, стоило подумать объ этомъ изъ ряда вонъ выходящемъ явленіи, стоило оцѣнить его, что бы не пробавляться низменнымъ вымысломъ іудеевъ, этихъ заклятыхъ христоненавистниковъ. Но, видно, одно говоритъ логика мысли, а другое творится въ дѣйствительной жизни, — Христу, наперекоръ всякимъ научнымъ даннымъ и здравому смыслу и, какъ бы на зло исторіи, нашли родителя... какого-то безчестнаго авантюриста-легіонера. Поистинѣ, сбылось пророческое: «родъ же Его кто исповѣсть» Ис. LIII, 8.

Спросимъ теперь самихъ себя: имѣемъ ли мы достаточное основаніе считать взглядъ Толстого на Христа нелѣпостью и вѣровать во Христа, какъ въ единороднаго Сына Божія? Утвердительное «да» съ нашей стороны, думается, будетъ единственно правильнымъ отвѣтомъ на вопросы, и что бы ни говорили отрицатели, мы съ чистой совѣстью и съ разумными доводами должны и будемъ непоколебимо исповѣдывать догматъ Христова Богочеловѣчества: «вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ!» Посл. ко св. прич. Мол. 12.

Свящ.-проф. Е. Аквилоновъ.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки